

А.Г.Некита, С.А.Маленко

ИДЕОЛОГИЯ «ДОМОСТРОЯ» В ИМПЕРСКОЙ ДОКТРИНЕ МОСКОВСКОГО САМОДЕРЖАВИЯ

Статья посвящена психоисторической интерпретации роли «Домостроя» в формировании ментальных установок российской власти. Автор этого сборника, Сильвестр, стремился придать новгородской духовной литературе современное звучание и актуальные для московского царя смыслы. Личное противоречие между ним и Иваном IV привело к появлению авторитарной формы самодержавной власти, которая была апробирована династией Романовых. Обнаружены факты сублимации посредством «Домостроя» содержания архетипа «Отца». Он из близкого и родного образа становления сознания превращается в идеал авторитарного лидера, находящегося за рамками российской повседневности. А женщина-мать в «Домострое», как символ архетипа «Матери», сублимируется в земельном и ресурсном принципах. Поэтому в самодержавной модели природа рассматривается как государственная казна и средство решения политических задач.

Ключевые слова: «Домострой», психоистория самодержавия, психобиография, повседневность, бессознательное, архетип, русская ментальность

Новгородские традиции и ментальность оказали неоспоримое влияние на социально-политическую и культурную жизнь не только средневековой Руси, но и самодержавной России. Одним из выдающихся памятников, свидетельствующих о безусловной новгородской доминанте в стратегиях формирования московского государства и в организации пространства его власти, стал «Домострой» [1] — нравственно-дидактический сборник, составленный священником Сильвестром в середине XVI века. Как известно, Сильвестр был выходцем из новгородских земель и находился в окружении митрополита Макария. И когда первосвященник перебирается в Москву, за ним уверенно следует многовековая новгородская духовная традиция, персонифицированная, в том числе, наставнической деятельностью Сильвестра в отношении молодого Ивана Грозного.

«Домострой» в полной мере соответствует новгородской традиции составления духовных текстов, в которых раскрывается роль православной церкви в ритуализации повседневной жизни. Достаточно вспомнить не менее известное сегодня новгородское произведение XII века «Вопрошание Кирика» [2], в котором содержатся «сведения о быте новгородцев» [3], а монах Антониева монастыря стремится найти ответы у новгородского епископа Нифонта на наиболее острые вопросы повседневной деятельности священников. Показательно, что диалоги «Вопрошания» и их содержание оказываются идейно близкими более позднему поучению «Домостроя». «Вопрошание» и «Домострой» находятся в одной житейской логике, направленной на установление всеобщего, Богом данного порядка в мирской повседневности.

В отличие от более поздней, церемониально-этикетной литературы, в которой упор делается на формальных способах регуляции традиционных отношений внутри социальной системы, в «Домострое» основным содержанием становится практика организации повседневной жизни с соответствующими ей бытовыми ритуалами. Появление этого произведения указывает на уже возникшую необходимость государственной регуляции сферы приватной жизни. Подобная потребность формируется как результат новых геополитических изменений, связанных с правлением Ивана IV. Становление самодержавия требовало повсеместного контроля над многообразными сферами повседневной жизни средневековой России. В то время как ответы Нифонта в «Вопрошании Кирика» имели, скорее, рекомендательный характер, то наставления «Домостроя» изложенные в более жестком, нормативном стиле, не только составляли идеологический фундамент царствования Ивана IV, но и обусловили патриархальный уклад правления династии Романовых вплоть до событий 1917 года.

Патриархальный нормативизм «Домостроя» стал закономерным итогом, с одной стороны, бессознательного включения новгородских духовных и повседневных практик в московскую доктрину власти, с другой, это стало свидетельством отрицания новгородской вечевой традиции и ее сублимации в самодержавной модели государства как единой, патриархальной семьи. Именно в этом состояло новаторство сборника Сильвестра: он реинтерпретировал в новых социально-политических и духовно-культурных реалиях многовековой опыт Новгородской республики. Его толкование новгородских духовных наставлений выстраивается вокруг персоны Господина, как Государя и земного наместника Бога, что указывает на формирование патриархально-маскулинной доминанты в модели светской самодержавной власти. Муж [1, с. 49], Хозяин [1, с. 144], Господин [1, с. 74] — это «Самодержатель» и «Государь» семьи. В этой формуле светская власть на столетия вперед зафиксировала реальную возможность духовного контроля над сферой повседневности.

В отличие от Москвы, в Новгороде подобные идейные послы не находили должного отклика, поскольку статус мужчины и женщины в семье в эпоху новгородской вечевой вольницы предполагал некое равенство, о чем свидетельствуют многочисленные исследования. «Великий Новгород традиционно уравновешивал в течение нескольких столетий авторитаризм московской имперской, стяжательской модели российской государственности, которая, по сути, была ее и архетипическим, и социально-политическим антиподом — отцовской моделью социокультурного взаимодействия» [4]. В то же время, Сильвестр, будучи сторонником

новгородских традиций, допускал в «Домострое» некую степень свободы женщины, находящейся под семейной опекой мужчины. Это выражалось в ее хозяйственной самостоятельности, а также в равном участии в принятии важнейших для семьи финансовых и хозяйственных решений.

Несмотря на то, что «Домострой» сам по себе является уникальной энциклопедией приватной жизни Руси XVI века, в нем целенаправленно сделан акцент на исключительной значимости родовой формы организации государства. В первую очередь, это выражается в назидательных поучениях относительно специфики коммуникативных ритуалов в отношении посторонних для семьи людей. Традиция гостеприимства требовала от хозяев максимального внимания к гостям, что являлось немаловажным свидетельством не просто лояльности к другим людям, но создавало условия для поддержания позитивного отношения у домочадцев к социальным особенностям общинного уклада как такового. Так «Домострой» актуализирует древнейшие новгородские духовные ценности в новых исторических условиях. Не является ли это стремление Сильвестра утопическим, поскольку молодое российское самодержавие очень хотело соответствовать общеевропейским политическим и культурным тенденциям?

Кстати, расправа Ивана Грозного над своим наставником и его ссылка в северные монастыри как раз является ярчайшим подтверждением этому факту. Психобиография Ивана IV дает нам немало поводов для подобных выводов. Отказ Сильвестра и А.Адашева присягнуть на верность наследнику престола был воспринят Грозным не только как личное предательство, но и как вызов его мировоззренческой позиции, на которой он выстраивал весь стиль своего правления. Отказ от «ближнего круга» значил для Ивана Грозного отречение, в том числе, и от многих идей, которые транслировались его представителями еще от новгородского этапа становления мировоззрения будущего царя. Острота личных трагедий царя в немалой мере обусловила некую авторитарность рекомендаций «Домостроя»: «Бойся царя и служи ему верно, всегда о нем Бога моли. И лживо никогда не говори с ним, но с почтением правду ему отвечай, как самому Богу, во всем ему повинуюсь» [1, с. 22].

Тяжело переживая разрыв духовных уз с Сильвестром, Иван Грозный избирает курс на пресечение или жестокое ограничение общинных традиций. Особенно в той части, которая непосредственно не касалась поддержания так необходимого московской самодержавной власти патриархального уклада. Взять, хотя бы, многочисленные примеры жестоких наказаний, разорений усадеб и убийств знатных бояр, не угодивших Ивану Грозному уже одним фактом своего знатного происхождения. Показателен в этом отношении хрестоматийный пример, связанный с репрессиями в отношении потенциальных конкурентов Ивана IV из древнего рода Старицких. Наиболее пострадал Владимир Андреевич Старицкий, двоюродный брат царя. Подобная политическая стратегия, несомненно, шла вразрез с правилами «Домостроя». Например, в тексте содержатся весьма определенные социальные установки: «Тем, кто старше тебя, честь воздавай и кланяйся, средних почитай как братьев, немощных и скорбных любовно утешь, а младших как чад возлюби — ни одному созданию божью не будь лиходеем» [1, с. 22]. Зато отлично укладывалась в доктрину московского самодержавия, требовавшего безусловного подчинения Государю всех подданных, и потому абсолютно попиравшего древние родовые традиции ради упрочения власти. Так, освободившись от Сильвестра, Иван IV «освободился» от вечевого романтизма новгородской духовной, политической и культурной традиции. В то же время, сохранив формальную приверженность букве «Домостроя», царь укореняет в стране практику бессознательного отчуждения Государства от Семьи, и «официального» от «приватного». По сути, частная жизнь отныне позиционируется как особая форма организации государственного уклада на уровне повседневности. Это приводит к фактическому разрушению индивидуального мира семьи, трагедия которой теперь вытесняется за «домостроевские» заборы и не подлежит публичному оглашению. Тогда как коммуникативная функция семьи редуцируется к поколенческой трансляции и воспроизводству патриархальных, этатистских принципов, где «государство официально провозглашает себя единственным легитимным «патроном» [5].

Поэтому, те, якобы, «отеческие» заботы и наставления, содержащиеся в «Домострое», становятся всеобщими правилами подчинения индивидуального коллективному и родовому, сублимируемому отныне исключительно в самодержавной форме. Так, в идеологической доктрине московского самодержавия воцаряется авторитарная, а местами и откровенно тираническая модель господства Рода над Индивидом, и, соответственно, Государства над Подданным. При этом частность методических рекомендаций «Домостроя», вытесняет необходимость самобытной и творческой организации сферы средневековой повседневной на огромных просторах страны с различными погодно-климатическими и природно-географическими условиями. А это значит, что московская самодержавная власть создает условия для необратимой деградации архетипической сущности сознания русского человека и всей отечественной культуры. Эта закономерность становится бессознательной доминантой всего периода правления династии Романовых и введения крепостного права.

«Домостроевские» идеалы, безусловно, могли бы быть прочитаны и иначе, однако глобальные геополитические потрясения и обширная колонизация неизведанных ранее земель, неминуемо привели к атомизации территорий, родов и семей, усилению их конфронтации. Закрытое от «чужих» пространство дома ведет к росту взаимного недоверия, становится символом разобщенности людей и генератором постоянных групповых и этнических конфликтов. Оказывается, домашняя среда из пространства с наиболее высокой степенью близости и комфорта, способна превратиться в ведущий социальный институт, на эксплуатацию

архетипического потенциала которого и сделало ставку российское самодержавие. Она в свернутой, концентрированной форме воспроизводит принципы и логику государственного строительства и определяет его фундаментальные сакральные ориентиры.

Русская семья, как символ родовой организации, была, своего рода, «отформатирована» «Домостроем» таким образом, что архетипический образ «Отца» как всеобщего наставника и защитника, соотносенный с «Материнскими» содержаниями повседневности (характерных для новгородских, «софийных» ментальных практик), сублимировался в символику и атрибутику авторитарной власти, опирающейся на государственную целесообразность и иерархию институциональных смыслов. В процессе становления самодержавия, «Отец» из близкого и родного образа становления сознания, посредством «домостроевской» дидактики, сублимируется в образ авторитарного лидера, расположенного «по ту сторону» российской повседневности. В то же время, архетипические содержания «Матери» сублимируются, первоначально, в феодально-земельном принципе, а, в дальнейшем, и в территориально-ресурсном, рассматривая природу Родины (которая так и не стала «средой, а затем и неременной соучастницей всех божественных и земных событий, позволяя раскрыть драматизм, как божественного творения, так и самой человеческой жизни» [6]) исключительно как государственную казну, средство решения политических задач.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект «"Материнский" Новгород и "отцовская" Москва: драма софийного и имперского начал в русской ментальности», № 16-13-53001.

1. Домострой / Пер. с древнерусского В.В.Колесова. М.: АСТ, 2015. 288 с.
2. Вопросание Кирика, который предлагал вопросы новгородскому епископу Нифонту и другим [иереям] // Кирик Новгородец и древнерусская культура: В 2-х ч. Ч. 2 / Отв. ред. В.В.Мильков. Великий Новгород: НовГУ имени Ярослава Мудрого, 2012. С. 273-356.
3. Зверкина Г.А. Кирик Новгородец как зеркало культуры древней Руси // Кирик Новгородец и древнерусская культура. В 2-х ч. Ч. 1 / Отв. ред. В.В.Мильков. Великий Новгород: НовГУ имени Ярослава Мудрого, 2012. С. 68.
4. Некита А.Г. Драма русской ментальности: методологические заметки к проблеме // Новгородика-2015. От «Правды Русской» к российскому конституционализму: материалы V междунар. науч. конф. 24—25 сентября 2015 г. Ч. I. Великий Новгород: НовГУ им. Ярослава Мудрого, 2016. С. 404.
5. Донченко А.П., Маленко С.А., Некита А.Г. Вре́мён двух между: человек в лабиринтах памяти: монография / Отв.ред. А.Г.Некита, С.А.Маленко, предисл. и послесл. А.П.Донченко. Великий Новгород: НовГУ им. Ярослава Мудрого, 2014. С. 271.
6. Маленко С.А. От восторга к преображению природы: «воздelyвание» иноческой Самости в традициях Новгородской земли // Вестн. Новг. гос. ун-та. Сер.: Гуманитарные науки. 2015. № 4 (87). Ч. 1. С. 112.

References

1. Kolesov V.V., ed. Domostroy [Domostroi]. Moscow, 2015. 288 p.
2. Voproskanie Kirika, kotoryy predlagal voprosy novgorodskomu episkopu Nifontu i drugim [ieryeam] [Kirik's interrogation, who offered questions to Novgorod bishop Nifont and other [priests]. Mil'kov V.V., ed. Kirik Novgorodets i drevnerusskaya kul'tura in 2 parts, part 2. Velikiy Novgorod, 2012, pp. 273-356.
3. Zverkina G.A. Kirik Novgorodets kak zerkalo kul'tury drevney Rusi [Kirik the Novgorodian as a mirror of the culture of ancient Rus]. Mil'kov V.V., ed. Kirik Novgorodets i drevnerusskaya kul'tura in 2 parts, part 1. Velikiy Novgorod, 2012, p. 68.
4. Nekita A.G. Drama russkoy mental'nosti: metodologicheskie zametki k probleme [Drama of the Russian mentality: methodological notes to the problem]. Proc. of "Novgorodika-2015. Ot "Pravdy Russkoy" k rossiyskomu konstitutsionalizmu: materialy V mezhdunar. nauch. konf. 24—25 sentyabrya 2015 g", part I. Velikiy Novgorod, 2016, p. 404.
5. Donchenko A.P., Malenko S.A., Nekita A.G. Vremen dvukh mezhd: chelovek v labirintakh pamyati: monografiya [Between two epochs: a man in the labyrinth of memory]. Velikiy Novgorod, 2014, p. 271.
6. Malenko S.A. Ot vostorga k preobrazheniyu prirody: "vozdelyvanie" inocheskoy Samosti v traditsiyakh Novgorodskoy zemli [From delight to for the transfiguration of nature: "cultivation" of monastic the Self in the traditions of Novgorod land]. Vestnik of NovSU, 2015, no. 4 (87), part 1, p. 112.

Nekita A.G., Malenko S.A. Ideology of "Domostroy" in the imperial doctrine of Moscow autocracy. The article is devoted to the psychohistorical interpretation of the role of "Domostroy" in the formation of the mental attitudes of the Russian authorities. The author of this collection, Sylvester, sought to give the Novgorod spiritual literature a modern sounding and relevant meanings for the Muscovite tsar. Personal contradiction between him and Ivan IV led to the emergence of an authoritarian form of autocratic power, which was approved by the Romanov dynasty. The facts of sublimation by means of "Domostroy" of the contents of the archetype "Father" are revealed. He is transformed from an intimate and a native image of the formation of consciousness into the ideal of an authoritarian leader, which is beyond the framework of Russian everyday life. A female mother in the "Domostroy", as a symbol of the archetype "Mother", is sublimated in the land and resource principles. Therefore, in an autocratic model, nature is seen as a state treasury and a means of solving political problems.

Keywords: "Domostroy", psychohistory autocracy, psychobiography, the everyday, the unconscious, the archetype, the Russian mentality.

Сведения об авторах. С.А.Маленко — доктор философских наук, доцент, заведующий отделением философии и культурологии, заведующий кафедрой теории, истории и философии культуры, Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого, olenia@mail.ru; А.Г.Некита — доктор философских наук, профессор, профессор кафедры теории, истории и философии культуры, Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого, beresten@mail.ru.

Статья публикуется впервые. Поступила в редакцию 25.11.2017.